

Александр Казаркин
«Мы заплатили красотой...»

// Казаркин А.П. Где та Земля Чистая: О природе и литературе Сибири.
– Кемерово, 1988 . – С. 76-80.

В стихах рано ушедшего из жизни Игоря Киселева философское обобщение вырастает из реальных подробностей времени. Начинаясь исповедальной интонацией, стихотворение ведет к общезначимому. «Нота прощания» - такое определение он сам дал ведущей тональности своих стихов. Прощание с землей детства, с чистотой миропонимания, признание всеислия времени у Игоря Киселева куда более наглядно.

Что ж, попрощаемся, ветер и свет!
Были друзьями, дошли до отчаянья.
Всё как всегда, только музыки нет -
Нота прощания...
Лету еще не пора догорать.
Рано в слезах сочинять завещание.
Что ж ты так светишься, желтая прядь,
Парус прощания?..

Природа навеяла исходные мотивы многих стихов Игоря Киселева. Даже названия некоторых книг; «Перецвет», «Четыре дождя», «Ночные реки», «Благодарю, земля, благодарю». О гибели природной красоты, о жестокости как обычае в отношениях с живой природой и о милосердии как редкостном даре людей были уже первые стихи поэта, проведенного детство на Алтае. У И. Киселева напрочь отсутствуют привычные приметы шахтерского края - терриконы, протуберанцы смога над городами, - но печаль объясняется именно тем, что замусоривание земли и самоотравление человека стало обычаем.

Мир стандартов все явственнее, все безысходнее тоскует по стихии, простору. Человек всегда нуждался в осмысленности жизни, всегда хотел ясности и простоты миропонимания. Ныне они - редкие зарницы. Поэтому идиллии нет даже в ранних опытах И. Киселева. Стихотворение «Перецвет» прямо спорит с идиллией, с иллюзией, усложняющей, а не облегчающей жизнь: «Цветы упрямо ждали чуда, а надо было ждать беды», а исход: «Как будто плакала природа над неразумными детьми».

И оказывается, мир не так уж сложен, это наше запутанное самосознание перемешивает его координаты. Красота беззащитна перед бездушным практицизмом и жестоким озорством грубой силы. Научиться ценить прекрасное в мире трудно, разрушить его, не заметив, очень легко. Вот и нарастает в стихах чувство обреченности несотворенной красоты земной. В сознании поэта оно живет как покаяние перед землей-матерью, перед которой прегрешения наши

неисчислимы.

Прости, земля! Пьянея от побед, Мы мало ценим твой высокий свет. Без нас жила ты миллионы лет - Мы без тебя не проживем и года.

К сожалению, поэзию Игоря Киселева до сих пор знают мало. Он никогда не станет кумиром тех, кто ищет остроты, пряности и крикливой саморекламы вместо поэзии. Эта лирика подчеркнута традиционна, и все стихи - о самом существенном, это подлинный лиризм, искренняя, не надуманная исповедь. Правда времени видна и в том, что никогда желанное душевное равновесие не устанавливается надолго: «есть привкус горечи в прекрасном, и радость каждая горька».

Выше всего его лирика ставит «соприродность», святость до нас сложившегося миропорядка. Сложное и простое, вечное и сиюминутное, — может быть, точнее было бы назвать это мотивом отказа. Вот как у Николая Рубцова, поэта самой убедительной национальной самобытности:

За нами шум и пыльные хвосты - Всё улеглось! Одно осталось ясно - Что мир устроен грозно и прекрасно, Что легче там, где поле и цветы.

Конечно, это другой художественный уровень. Так ведь потому он и Рубцов, может быть, второй после Есенина. У Игоря Киселева найдется немало стихов с этим образом неостановимой гонки. И написаны они порой даже раньше Рубцова:

И зов земли все глуше
На бешеном шоссе,
Где мчатся наши души,
Как белки в колесе.
Но вот порой весенней
Под ветра колдовство
Придет к нам как спасенье
Сознание того.
Что есть еще на свете
Среди других чудес
Обыкновенный ветер,
Обыкновенный лес.

Пожалуй, ни у кого из современных поэтов Сибири не звучал так настойчиво этот мотив вины перед жизнью, он-то и делает лирику И. Киселева современной. Чувство это дефицитно и очень своевременно. Порой эту важную мысль Игорь Киселев выражает с публицистической прямоотой, вообще-то ему не свойственной: «И не мы уже милостей ждем от природы, а давно уже ждет их природа от нас»; «Человек, богатырскою силой играючи, должен помнить про тихие жалобы заячьи».

Земля не может помнить зла, она как будто печалится о

заблудшем сыне своем, избиваемая жалеет истязателя: «Мне кажется, жалеют нас леса». Как-то не по себе становится от этой поэтической находки. Не так ли русские люди издавна жалели безжалостных варнаков? Ведь душегуба ждет страшная расплата в другом времени, а он не верит во власть высших сил, слеп, как дитя. И особенно дорог мне вот этот оборот: исповедь-покаяние согрешившего перед землей-матерью:

Простите нас, деревья и трава!
Мы забываем, повзрослев едва,
Что общим корнем связаны слова:
Народ, и благородство, и природа...
А что, если однажды навсегда
Покинут птицы наши города?..

Милосердия - вот чего нам не хватает, вот что мы забыли решительно. Мы беспощадны и к себе, и к людям, а уж Ко всему живому – по привычке. Зов о милосердии слышен особенно в стихотворении «Молитва лани». Этот символ стоит осмыслить поглубже. Лань в зоопарке молит человека о милосердии, но ведь никогда ее зов не найдет отклика! Безвинно заточенная, пожизненно запертая в клетку молит беспощадного «бога» и пря этом вразумляет его мыслью о необходимости сострадания.

Отпусти меня в лес, в кольцо
Быстрых рек, где трава и птицы?
Посмотри: на твое лицо
Тень от клетки моей ложится.

Какой печальный, нет, все-таки какой жестокий парадокс. Человек идет в зоопарк ради общения с природой. И обретает там извращенную радость: удовольствие в зоопарке может получить лишь нравственно глухой человек, которому плевать на мученье зверей.

«Тень от клетки» - это палаческая жестокость, глухота к чужой боли. В конце концов, у них такое же право на жизнь, что у нас. Но ведь детей ведем мы в зоопарк, ведем ради их развлечения. В большом зоопарке тысячи детей ежедневно любят запертыми зверями и улыбаются, улыбаются им. Что же воспитаем в них, глухоту к живому?

Улыбается он, гляди!
Дети добры — и ланям видно.
Ты его сюда не води -
Любоваться страданием стыдно.

И разве может вразумить природа человека, если он ее не слышит? Как это чудо совершится, если боль ее он считает нормой? Но, при всей усталой отрешенности, в лирике Игоря Киселева остается вера в осмысленный диалог человека с природой. Остается как идеал, хотя это единственно мыслимая норма. Земля все еще вразумляет нас, но мы не слышим, земля животворна, только она

гасит наши психозы, а что Судет, если мы вовсе разучимся ее слушать?